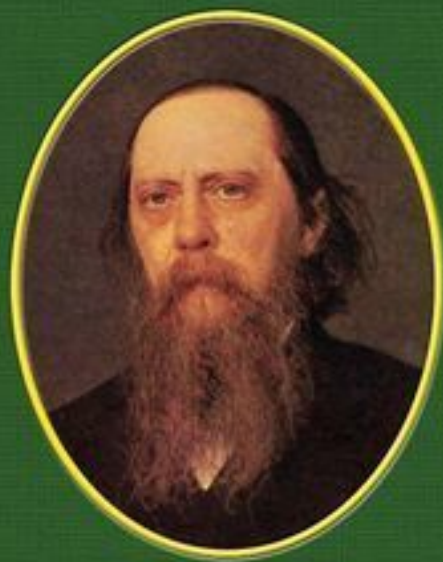

Михаил
Салтыков-Щедрин

Сочинения

Михаил Салтыков-Щедрин

**Движение
законодательства в России**

«Public Domain»

1869

Салтыков-Щедрин М. Е.

Движение законодательства в России / М. Е. Салтыков-Щедрин — «Public Domain», 1869

В рецензируемой Салтыковым книге тамбовский помещик, отставной чиновник Г. Б. Бланк стремится доказать, что все «движение законодательства» под влиянием пагубных идей ведет помещиков к гибели, а страну – к революции. Он требует ликвидации земства и сельского самоуправления, законодательного повышения роли поместного дворянства и «устройства сильного рабочего класса» путем возврата крестьянских наделов помещикам. Салтыков отказывается от полемики с Бланком по существу его взглядов – он только издевается над мнимым глубокомыслием и литературным косноязычием пропагандиста «упраздненных мыслей».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Движение законодательства в России

Отделы: I, II, III и IV Д. с. с. Григория Бланка. СПб. 1869

Невнятное бормотание самоучек-философов столь же трудно доступно для чтения и понимания, как и любой трактат трансцендентальной философии. Если в последнем случае чтение затрудняется отвлеченностью содержания, требующей довольно сложной предварительной подготовки, сбивчивостью и необычностью терминологии, то в первом случае внимание читателя без всякой пользы задерживается сумятицей, господствующей в понятиях самого диссертанта, важностью тона, с которою он изрекает неслыханнейшие пустяки, и, наконец, совершенным презрением к каким бы то ни было синтаксическим и этимологическим приличиям. Вы видите человека, торопливо взбирающегося на кафедру; вот он насупил брови и, очевидно, нечто злоумышляет; жилы у него на лбу готовы лопнуть от натуги, ноздри раздуваются, губы трепещут; он то раскрывает уста, то смыкает их и опять раскрывает... Вы удивлены и встревожены; вас даже несколько утомляет зрелище беспрерывно разевающегося и смыкающегося рта; но в то же время вы не прочь допустить и то, что причина происходящих перед вами мучительных потуг имеет источником глубину и обширность соображений, обуревающих диссертанта. Ничуть не бывало. Он натуживается совсем не от того, что ему трудно вытащить свою мысль на свет божий, а от того, что у него совсем нет мысли и он в эту самую минуту ищет ее по всем извилинам своего мозгового вещества. Но вот он наконец на что-то набрел; впопыхах он не замечает, что находка его не только не имеет ничего схожего с мыслью, но что это даже не зародыш мысли, а просто выброшенная за негодностью тряпица, и спешит поделиться с публикой целым трактатом. Вы читаете, видите буквы, слова, останавливаетесь над каждой фразой, вдумываетесь – и все-таки ничего не понимаете. Вы наконец начинаете самого себя обвинять в тупости, в том, что ваша мысль не может стать на один уровень с мыслью писателя-самоучки. Успокойтесь. Вы не понимаете оттого, что тут нечего понимать, что тут либо подлежащее пропущено, либо сказуемое позабыто, либо на связку опущен чересчур непроницаемый покров таинственности.

Философ-самоучка всегда забирается высоко и для представлений самых низменных ищет гегелевских формул. Заберется-заберется куда-то далеко, да там и лопнет. Может быть, это оттого происходит, что являться в публику нараспашку с одними отставными мыслями, похожими на стоптанные башмаки, довольно зазорно; но в таком случае, кто же заставляет всенародно срамить себя, кто препятствует сидеть дома хоть совсем нагишом? Кто? Странный вопрос! Не забудьте, что нет ничего самолюбивее умственной голытьбы, собственным умом дошедшей до каких-нибудь младенческих соображений, и что однажды она дошла до них, ей уже не терпится и не сидится на месте, покуда она не выложит на стол всех грошей, которые ей удалось скопить. Что нужды, что она ходит в стоптанных башмаках, – ей кажется, что никто этого не заметит и что ежели она кой-что подправит, кой-что подмажет, то и отставные мысли, пожалуй, сойдут за настоящие. И вот, с криком: с нами бог! – она входит в самое святилище упраздненных мыслей, ищет там обрывков далекого школьного прошлого, припоминает их, перевирает и в конце концов произносит такую речь, которую не только логически, но и синтаксически разобрать ни под каким видом нельзя.

Заветная мысль г. действ. статск. сов. Григория Бланка известна давно всем,^[1]

^[1] *Заветная мысль... Григория Бланка известна давно...* – Еще в 1856 г. в статье «Русский помещичий крестьянин» («Труды Вольного экономического общества», № 6, т. II, 1856) Г. Бланк заявил, что крепостное состояние не имеет ничего общего ни с рабством, ни с «невольничеством» времен феодализма в Западной Европе, ибо единственная забота русского помещика – «о благосостоянии, здоровье и счастье своих крестьян». В развернувшейся вокруг этой статьи полемике В.

Безобразова с Г. Бланком принял участие Чернышевский (см. «Заметки о журналах». – С № 9, 1856; ср. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, М. 1947, стр. 705–708).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания